

НАРОДЫ АФРИКИ

Simbo Janiga. *Kleiner grosser schwarzer Mann. Lebenserinnerungen eines Busch-negers. Während der Grabung nach dem afrikanischen Vormenschen aufgenommen von Professor Dd. Ludwig Kohl-Larsen. Im Erich Köth-Verlag. Eisenach und Kassel, 1956, 210 стр.*

Рецензируемая книга — произведение своеобразного жанра; это автобиографический очерк, в котором научно-этнографическое содержание облечено в художественную форму. Хотя автором книги значится Симбо Янира — африканец из Танганьики, фактически она написана известным немецким ученым, профессором Людвигом Коль-Ларсеном — видным археологом и антропологом, внесшим большой вклад в науку своими открытиями доисторического человека в Африке. Во время своей третьей экспедиции в Африку в 1938 г., ведя раскопки в северо-восточной Танганьике, на берегах озера Эяси (Ньяраса), Коль-Ларсен заинтересовался жизнью коренного населения Танганьики, принадлежащего к нескольким племенам восточных банту.

В книге «Auf den Spuren des Vormenschen» Коль-Ларсен описал ход своих исследований и их результаты¹. В рецензируемой книге он рассказал об одном из рабочих, занятых на раскопках, — земледельце банту из племени исанзу, по имени Симбо Янира, который оказался хорошим знатоком фольклора и прекрасным рассказчиком. Он поведал ему 146 мифов и сказок своего племени. Симбо Янира помог также Коль-Ларсену познакомиться с представителями других мелких племен — тиндига, ираку, туру, мангати. Мифы и сказки некоторых из этих племен, записанные Коль-Ларсеном, вышли почти одновременно с рецензируемой книгой в серии «Das Gesicht der Völker» (1956): фольклор племени тиндига издан в сборнике «Elefantenspiel» и «Zauberhorn», животный эпос племени ираку собран в книге «Der Hase mit den Schuhen».

Коль-Ларсена привлекли не только мифы и сказки жителей Танганьики. Глубокий интерес к окружавшим его во время экспедиции живым людям, к их повседневной жизни, горестям и радостям заставил ученого-археолога стать полевым этнографом и писателем-очеркистом. Ларсен пишет, что на него произвела большое впечатление и сама личность Симбо Яниры, ему захотелось узнать и поведать миру его личную судьбу (стр. 11). Коль-Ларсен предложил Симбо рассказать свою жизнь и в течение 26 вечеров записывал его воспоминания. Предоставив рассказчику место автора, Коль-Ларсен скромно довольствуется ролью комментатора. Перед каждой главой воспоминаний помещены напечатанные петитом сообщения об обстановке, в которой велась запись рассказов. Эти небольшие предисловия имеют самостоятельное значение. По существу, все вместе они составляют вторую повесть — рассказ самого Коль-Ларсена, написанный очень лирично, выражающий его сочувственное отношение к Симбо и его соплеменникам. То обстоятельство, что автором книги назван простой африканец-земледелец, а европейский ученый как бы отошел в тень, — конечно, определенный литературный прием, который, однако, имеет гуманистическую тенденцию, — это дань уважения Коль-Ларсена к «маленькому большому черному человеку» и его соплеменникам. В действительности Коль-Ларсен не только записывал, но и направлял рассказчика. Хотя ученый подчеркивает, что намеренно не навязывал африканцу своего плана, но все же Ларсен задавал Симбо некоторые вопросы, наводил на те или иные темы, особенно в последние вечера (стр. 178, 185). Нельзя также забывать, что рассказ переводился (правда, местным жителем, знавшим английский язык). В общем можно предположить, что изложение несколько «приглажено» по сравнению с непосредственными словами самого Симбо; тем не менее чувствуется, что Ларсен старался сохранить стиль рассказчика.

Вызывает доверие и то, что рассказы лишены особой занимательности, они скорее монотонны; здесь нет набившей оскомину «экзотичности» художественной африканской литературы, нет и претензий на обладание какими-то «особыми истинами, недоступными белым», и т. п. Хотя Симбо и не «лесной негр», как его представляет Коль-Ларсен в подзаголовке книги (он земледелец), но он не был объектом миссионерской пропаганды и сохранил нетронутым восприятие жизни, свойственное родоплеменному быту.

Совместный труд африканского крестьянина и немецкого ученого обогащает нас интересными сведениями. Несмотря на необычную форму, рецензируемая книга имеет научное значение. В северо-восточной Танганьике, в районе озера Эяси, откуда родом Симбо Янира, живут негроидные племена группы восточных банту (в том числе племя исанзу), которые составляют здесь основную массу населения. Они занимаются главным образом земледелием, возделывают просо и кукурузу, разводят коз и, в меньшем числе, крупный рогатый скот. Особый интерес представляют сообщения о мелких племенах — тиндига, или вахи (они же вакиндига, хадзапи), и сандаве (у Коль-Ларсена Saandauwe), живущих охотой и собирательством в диких лесных зарослях. Эти племена — остатки некогда занимавших Восточную Африку койсанских (бушмено-готтентотских) племен и народностей; они говорят на своих, чуждых банту, языках с щелкающими звуками. По внешнему облику они также сохранили черты, близкие к бушменской

¹ L. Kohl-Larsen, *Auf den Spuren des Vormenschen*, Stuttgart, 1943.

малой расе, прежде всего — небольшой рост. Исанзу считают себя состоящими в кровном родстве с тиндига, несмотря на различие языков (стр. 71). Это представление нашло выражение в предании о происхождении тиндига от исанзу (стр. 66—70). В действительности, очевидно, имело место смешение пришедшего позднее бантуского племени исанзу с автохтонными тиндига. В облике самого Симбо явственно проглядывают черты бушменской расы.

По рассказам Симбо мы знакомимся с повседневной жизнью, занятиями и обычаями его племени. Главное содержание этих рассказов — возделывание поля, посев проса и маиса и ожидание дождя — томительное ожидание, засуха, обращение к колдуну. Но даже если и пошел дождь, посевы могут быть съедены саранчой. Часты неурожай, голодовки: «Наступил голод, но небольшой голод... Прошло два года, наступил опять голод, теперь это был уже большой голод» (стр. 97). Но еще более, чем голод, грозна другая сила — гнет белых. Симбо принадлежит к поколению, которое еще помнит начало вторжения белых (захват Восточной Африки Германией в 90-х годах прошлого века). «Тогда мы еще не знали, как называются белые, мы называли их просто ванзоризори, т. е. носящие платье... Приход белых — главное воспоминание моей молодости. Все относящееся к этому времени, к войне с белыми крепко засело у меня в голове» (стр. 136). И далее следуют рассказы о том, как немецкие солдаты заставляли негров переносить тяжести во время бесконечных походов, причем носильщиков гнали почти бегом, подгоняя их плетьюми; на отдых давалось всего несколько часов в сутки. Но когда кончилось военное время и немцы установили свое правление, Симбо все равно пришлось носить грузы: теперь в караван гнала нужда в деньгах — ведь белые требовали податей. И в торговых караванах носильщиков подгоняли, требуя быстрой доставки товаров, а ведь бежать с грузом приходилось почти всегда голодным.

Как-то раз, когда проголодавшиеся носильщики взяли несколько початков кукурузы с поля старосты, уполномоченного колониальной администрации, их за это высекли так, что мясо было содрано почти до костей. Ларсен спросил Симбо, чувствует ли он до сих пор боль в спине. «Нет, — ответил Симбо, — на спине боль прошла, но она сидит в сердце» (стр. 159).

Но вот нагрянула новая беда. Оказалось, что белые не все одни и те же; пришли новые белые — англичане, которые потребовали, чтобы подати платили другими деньгами (так отразилась в жизни исанзу английская оккупация Танганьики в 1918 г. и передача Англии бывшей германской колонии на правах мандатной территории). Англичане сказали, что обменяют немецкие деньги на новые, надо только отнести им оставшиеся немецкие рупии. Но когда закончился обмен, англичане потребовали податей в еще большем размере, чем немцы. «Нам говорили, что англичане богатые люди. А теперь мы увидели, что нас обманули, что по всякому поводу мы должны платить шиллинги!» (стр. 143). Симбо, как и его соплеменники, вынужден был наниматься на плантации английских колонизаторов.

Когда однажды, изнывая от непосильной работы, Симбо связал в пачку 29 листьев сизаля вместо 30, ему дали 25 ударов бичом из крокодиловой кожи. «Я много думал, когда получил эти 25 ударов. Я спрашивал себя, зачем я позволил себя обмануть и завербовался на плантацию» (стр. 171). Симбо хотел уйти с плантации, но когда товарищ сказал ему, что за это он угодит в тюрьму. Симбо ничего не оставалось, как продолжать свою тяжелую работу.

На фоне этих тягостных условий, определявших жизнь исанзу, проходили этапы личной судьбы Симбо: игры мальчика, посвятельные обряды, женитьба. Трогательны рассказы о детях. Когда Симбо, придя с очередной отходной работы, узнал о рождении сына, радости его не было границ. Он положил рядом с сыном заработанные деньги, как бы отдавая ребенку все, что досталось отцу таким тяжелым трудом. Но сын умер в младенчестве, за ним последовала смерть еще нескольких детей, не достигших отрочества.

Из-за непосильной работы матерей, постоянного недоедания и частых голодовок в семьях исанзу выживают немногие из родившихся детей. К моменту рассказа у Симбо осталась одна маленькая дочь Зива. Симбо нежно ее любит и жену называет «матерью Зивы», но он не в состоянии хорошо кормить ни дочь, ни жену.

Своим добрым отношением и уважением к африканцам Ларсен завоевал их доверие, и в последних рассказах Симбо затронул тему, которой африканцы неохотно касаются в разговорах с белыми, — он изложил существующие у исанзу представления о духах, о загробном мире, описал обряды, связанные с культом предков.

Воспоминания Симбо не имеют тематического конца; по словам Ларсена, он мог бы еще много рассказывать. Конец был положен отъездом экспедиции. Возможно, что Симбо жив и поныне и мог бы многое прибавить к своим воспоминаниям. После второй мировой войны положение крестьян Танганьики еще ухудшилось: у них были экспропрированы земли для осуществления проводимой английской колониальной администрацией широкой программы насаждения монокультуры. Развиваются капиталистические отношения, растет число наемных рабочих, главным образом на плантациях. Растет и классовая сознательность, развивается национальное самосознание. Возникли крестьянские союзы, кооперативные общества. Антиимпериалистическую борьбу возглавляет Союз Африканцев Танганьики.

Рецензируемая книга хорошо оформлена. К тексту приложена карта расселения упомянутых племен и народностей. Текст дополняют прекрасно выполненные фотографии с подписями, составленными в теплом, иногда полуюмористическом тоне.

Работу Симбо Яниры и Коль-Ларсена желательнее перевести на русский язык и издать возможно быстрее. Содержащая свежий научный материал и облеченная в доступную форму, проникнутая гуманизмом, эта книга будет тепло встречена широкими кругами советских читателей, все более интересующихся жизнью народов «пробуждающегося материка».

Б. Шаревская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ted B ank. *The Birthplace of the Winds*. New York, 1956, XII + 274 стр.

Книга молодого американского антрополога и ботаника Т. Бэнка «Родина ветров» излагает первые результаты этнографической экспедиции Мичиганского университета на Алеутские острова, проведенной в 1948—1949 гг. Учитывая, что проблема этногенеза алеутов до настоящего времени не считается полностью решенной, а их типично островная древняя культура представляет большой исторический интерес, нельзя оставлять без внимания ни одного живого свидетельства об алеутах, тем более, что доступ к Алеутским островам, где американцы расположили свои стратегические базы, практически закрыт.

Впервые Бэнк побывал на Алеутских островах в 1944—1946 гг., находясь на службе во флоте. Он хорошо знаком с существующей литературой об этом архипелаге, основательно изучил языки алеутов и эскимосов. Все это позволило ему наметить обширный план работы экспедиции, в который входило обследование и нанесение на карту наименее известных островов Алеутского архипелага, непосредственное знакомство с алеутами для изучения их образа жизни и обычаев, сбор сведений о съедобных и лекарственных растениях. Но основной целью было изучение древнейших миграций людей и растений между Азией и Северной Америкой. В этой связи Бэнк придавал большое значение изучению мест захоронения древних алеутов, тем более, что наряду с мумиями, в них могли сохраниться также и предметы домашнего обихода.

Бэнк знал, что алеуты прибегали к трем способам избавления от трупов: закапыванию в могилы («юлакюк»), кремации, распространявшейся главным образом на женщин, детей и рабов, и, наконец, бальзамированию с последующим захоронением в пещерах. Подобные захоронения практиковались с глубочайшей древности и до того времени, когда на Алеутских островах распространились русские православные обряды, запрещавшие бальзамирование. Для подготовки трупа к захоронению в пещере делали надрез над желудком и извлекали внутренности. Затем грудную клетку и брюшную полость заполняли благовониями и тело завертывали в мех морской выдры или шкурки птиц, а иногда еще в водонепроницаемое одеяние из кишок морского льва. После этого телу придавали сидячее положение, так что ноги и руки оказывались тесно прижатыми к торсу. Наконец, после того как труп закутывали в тонкие циновки из морских водорослей и шкуры морского льва, мумию туго бинтовали. Охотников хоронили с их оружием и даже кожаными байдарками. Воинов и вождей одевали в дощатые латы, рядом с ними клали пик и дубинки. Алеуты верили, что пещеры являлись местом, где находились умершие люди, которые выглядели почти как живые — с кожей и волосами, вели в мире духов тот же образ жизни, что и до своей кончины.

По приезде на Алеутские острова Бэнку не было точно известно местонахождение пещер захоронения. Ни крупная экспедиция Грдлички, проведенная в 1936—1938 гг., ни предшествующие экспедиции не давали на этот счет исчерпывающих сведений. Но сами алеуты дали Бэнку нужную ему информацию об островах с пещерами захоронения.

Раскопки принесли Бэнку много трофеев, в числе которых были: гарпунные наконечники, каменные лезвия, наконечники для стрел из обсидиана, каменные скребки и т. п., а главное — мумии, особенно хорошо сохранившиеся в пещерах, согревавшихся вулканическим теплом.

Изучение и новейшие (радиоуглеродный и др.) методы исследования предметов и мумий, вывезенных из пещер, показали, что обнаруженные захоронения имеют многотысячелетнюю давность. Археологические раскопки подтвердили, что алеуты пришли из Сибири; предками их были восточные эскимосы, которые начали прибывать на острова через Берингов пролив уже 4—5 тысяч лет назад. Постепенно население островов росло, и здесь создавалась своеобразная культура, не похожая на культуру эскимосов других районов. Многие в культуре алеутов, в частности некоторые особенности художественного стиля, раскраски тела, обработки каменных орудий, вызвало